

Часть первая

ГЛАВА 1

Параллельные миры существуют. Сеня Балабакин убедился в том, оказавшись в камере временного задержания. Каких-то десять-пятнадцать минут назад он освежался коньячком в элитном баре, обольщал случайную знакомую, фееричную милашку с пухлыми губками, и вдруг пассаж — опера из угрозыска, наручники, телепортация в сером «уазике» из яркой иллюзии в мрачную реальность отдела милиции.

Дежурный сержант не деликатничал — втокнул Сеню в камеру, с шумом закрыл решетчатую дверь. Мир сузился до размеров грязной каталажки, населенной живыми существами.

Их было трое. Кривоносый, наголо бритый персонаж в спортивных брюках с полоской и рваной черной майке-борцовке; рельефные плечи сплошь в татуировках — густой раскраски кресты, черепа, женские прелести; пальцы в чернильных перстнях, на шее толстая латунная цепь. Он сидел, на восточный манер подобрав под себя ноги; руки уперты в коленки, локти широко разведены. Взгляд мутный, тусклый, безразличный. Зрачки суженные, щеки впалые и бледные, на локтевых сгибах следы от инъекций. Уголовник плюс наркоман со стажем, подумал Сеня... Второй обитатель камеры смотрел на новичка более живо и с интересом. Косматые волосы, лохматая одежда: широкие штаны, мешко-

ватая майка с номером, блинг-блинг — серебряная цепь с кулоном в виде долларового знака. Широкий выпуклый лоб, скальным выступом нависший над беспокойными глазами, клубневый нос — крупный, рыхлый, с серым оттенком, рот наискосок. Похож на рэпера... Третий — квелый очкарик с рахитичной головой; волосы жиденькие, но длинные, стянутые на затылке резинкой. Правое ухо пунцово-красное, щека под ним расцарапана, губа разбита, светлая в полоску рубашка грязная, карман оторван — видно, что досталось ему порядком. Но парень не унывал. Он смотрел на Сеню гонористо; губы его кривились в насмешливой ухмылке... «Типичный компьютерный червь...»

— Ку! — гулко ухнул он.

— Не понял? — Сеня удивленно приподнял брови.

— Кисакуку, киса, ты с какова города?

Рэпер крутнул пальцем у виска, глянув на очкарика. И махнул рукой новичку — похоже, в знак приветствия.

— Yo dude!

— Сам ты угод! — нахраписто выдал Сеня.

Уголовник прыснул, провел рукой по животу. Но не обронил ни слова: молча проглотил смешинку.

— Да не угод... — скривился рэпер. — Это я поздоровался с тобой.

— И я, — кивнул очкарик.

Он уже не гоношил. Сеня показал зубы и этим стер с него спесивый налет.

— Что — ты?

— Поздоровался.

— С кем?

— С тобой.

— Ты идиот?

— Ф топку!

— Значит, идиот...

Не жди меня, мама, хорошего сына

— Я с него угораю! — широко улыбнулся рэпер. — Кору мочит, ваще!.. Сакс, короче!

— Выпей йаду, сцука! — огрызнулся очкарик.

— Я те ща набуцкаю, чмо!

Рэпер вскочил со своего места, сжимая кулаки, но уголовник осадил его.

— Ша! Не вмачивай рога, баклан!.. И ты, чертила очкастая, будешь пургу мести, я тебе шнифты выкручу!

Выплеснув эмоции, уголовник затих — спиной откинулся к стене, закинул руки за голову, закрыл глаза. Успокоились и остальные. Рэпер вернулся на место, опустил голову, разглядывая долларový знак на цепи. Очкарик молча теребил подол своей рубахи.

На Сеню никто не смотрел. Да он и не нуждался ни в чьем внимании. Он с горечью думал о том, что, возможно, свобода потеряна для него навсегда. И если так, то матерые уголовники с их устрашающим жаргоном станут для него чудовищной повседневностью...

* * *

Майор Комов не был уверен в том, что теща — друг человека. Сосуществовал он с матерью своей жены относительно мирно, но иногда подмывало поцеловать вагон, в котором она уезжала домой. Но, похоже, Алевтина Михайловна застряла в Битове надолго: один автолихач познакомил ее с бампером своей машины, после чего женщина отправилась на больничную койку с черепно-мозговой травмой и переломом ноги.

Лихач удрал с места происшествия. Розыском преступника занялись в ГИБДД, но и Федот Комов не бездействовал, подключил к делу своих сыскарей из уголовного розыска — общими усилиями злодей был доставлен в отдел внутренних дел города Битово. Им

оказался молодой человек, владелец автомобиля «Ниссан». Балабакин Арсений Викторович.

Задержанного доставили в кабинет, но Комов как будто и не замечал этого; суровый и невозмутимый, он наводил порядок на своем рабочем столе, раскладывал скопившиеся на нем папки с делами по ящикам. Парень ждал недолго — пожал плечами, выдвинул стул из-за приставного стола, сел.

— А вот это ты зря, — немедленно среагировал Комов. — Сесть тебе никто не предлагал... Но раз ты настаиваешь, будешь сидеть.

Парень прытко встал со стула, вытянулся в струнку.

— Что, не хочешь сидеть? — сурово спросил Федот.

— Нет, — потерянно мотнул головой парень.

Ему было двадцать четыре года. Среднего роста, худощавый, но мускулистый. Ухоженные волосы, стильная бородка а-ля Арамис. Желтая стрейч-майка облегла поджарый торс, обнажая загорелые жилистые руки. Бейсболка задом наперед, сильно вываренные и усаженные джинсы, кроссовки на высокой подошве. Лицо узкое, вытянутое вперед, широко расставленные маленькие глаза; нос костистый, длинный, с горбинкой — признак гордости. Брови клинообразные, изломанные — показатель авантюризма, — но в то же время высоко поднятые, что присуще людям пытливой, ищущей натуры... Самолюбивый, целеустремленный прохиндей?

— Не любишь ты мою тещу, парень, — издалека начал Комов.

Балабакин огорошенно моргнул.

— При чем здесь ваша теща?

— При том, парень, что нет у меня больше тещи. Ты ее убил. Насмерть сбил на своей машине.

— Я?! Я никого не убивал! — возопил парень. И проговорился: — Она же в травме...

— Кто в травме?

Не жди меня, мама, хорошего сына

— Ну, теща... Женщина, которую...

— Которую ты сбил?

— Э-э... Я никого... Нет, не сбивал... Никого...

Балабакин говорил сбивчиво, спотыкался на каждом слове. От волнения. Оттого что врал...

— «Ниссан», госномер «триста тридцать три», две тысячи второго года выпуска, оранжевый металлик — твоя машина?

— Да, машина.

— Что, машина?

— Да, моя машина... У меня ее угнали... Да, угнали какие-то сволочи, в тот день, когда женщину сбили, — бодрой скороговоркой изложил парень.

Одно это быстрословие показалось Комову подозрительным. Не говоря уже о том, что Балабакин снова проговорился.

— А когда ее сбили?

— Ну, три дня назад... Э-э, второго июля...

Парень говорил правду, но почему-то слова вязнут в голосовых связках.

— И откуда ты знаешь, что второго июля? Откуда ты знаешь, что женщина в травме?.. И машину ты в угон не подавал. И нашли ее возле твоего дома... Хватит отпираться, Балабакин!

Сеня горестно вздохнул, с вороватым кокетством потупил глазки.

— Кто угнал у тебя машину? — жестко и бескомпромиссно спросил Комов.

— Никто, — четко сказал парень.

— Кто сбил женщину?

— Я.

— И как это произошло?

— Как произошло? Просто и быстро. Ехал домой к родителям, из Москвы, очень спешил, на перекрестке светофор, загорелся желтый, думал, проскочу, а не по-

лучилось. Ей бы постоять чуть-чуть, а она поперлась. Голова опущена, взгляд по зебре тащится, ну ей-бо, как та корова!.. Извините, товарищ... не знаю, как вас по званию...

— Гражданин начальник, — с хмурым видом подсказал Федот.

Балабакин признал свою вину — будет составлен протокол допроса, затем представление на возбуждение уголовного дела, чуть позже следователь предъявит обвинение. И все это время парень проведет в изоляторе временного содержания...

— Гражданин начальник?! Я что, уже арестован? — сконфузился Сеня.

— Почти, — не стал разубеждать его Комов.

— Но так нельзя. Ведь я не виноват, я ехал на желтый свет! Ну, не проскочил! Ну, не повезло!..

— Повезло. Еще как повезло — прямо на гражданку Вихареву... Это уголовная ответственность, Балабакин. Это три-четыре года лишения свободы... По зебре, говоришь, взгляд тащился...

— Да, по зебре, по пешеходной. Метафора, иносказание. Ваша теща под ноги не смотрела...

— Зачем ей под ноги смотреть? Она в сторону смотрела, откуда машина твоя появилась. Не успела она в сторону отскочить, извини...

— Да ладно! — безалаберно махнул рукой Балабакин.

— Что? — охлаждающе глянул на него Комов.

— Э-э, понимаю, это я должен извиняться...

— Поздно извиняться.

— Э-э, товарищ... гражданин начальник... Ну, может, как-то вопрос этот решим. С деньгами у меня сейчас туговато, проект не пошел, долгов много, кредиторы донимают, все такое прочее... — снова затараторил Балабакин.

Не жди меня, мама, хорошего сына

— Мне до твоих денег дела нет, — внушительно сказал Комов. — И если думаешь про взятку, забудь. Не стоит усугублять вину...

— А что можно сделать? — умоляюще смотрел на него Сеня.

— Ничего. Будешь отвечать по всей строгости закона...

Не нравился Федоту этот парень, очень не нравился. Надо бы с ним еще поработать... Он вызвал конвой и отправил его в камеру.

* * *

Уголовника в каталажке не было. Сеня спросил, где он.

— Увели, — ответил рэпер.

Звали его Миша. Неплохой парень, если разобраться, только слишком крученный.

— Оцилопы на пинках увели.

— Кто?

— Ну ты нибумбук! — удивленно посмотрел на Сеню очкарик. — Оцилопы — это ж сцуки палиццаи!

— Да ты не висни, не надо. Оцилопы — это менты... — пояснил Миша. — Не вписался пацан в поворот...

— Я тоже не вписался, — уныло кивнул Балабакин.

— Чего?

— Да так... Слушай, а ты реально рэп слушаешь?

— Рэп не слушают, рэп читают... Ямбы не в почете, хип-хоп на взлете, я реальный пацан, качу телегу, по кругу, йо!... Ну, телега — это речитатив, по ходу...

— Нибацца! Уппей себя абстену! — подленько хихикнул очкарик.

— Закрой варежку, очкур! — огрызнулся рэпер.

— Да не забивайся ты на него, — одернул его Се-

ня. — Поверь, он того не стоит... Ты мне скажи, у тебя бабосы есть?

— Бабосы схавали барбосы! Я на мели, чувак... А что такое? — в ожидании подвоха, но заинтригованно спросил Миша.

— Да вариант один есть. Ты телеги катишь, а я музыку пишу.

— Не понял.

— Композитор я.

— Да ты че! В реале?

— А я похож на клоуна, чтобы шутить?.. Мои песни на «Европе» крутятся...

— Да ну! Какие?

— Да такие...

Балабакин напел пару композиций, от чего Миша благоговейно захмелел.

— Рулез! А не гонишь?

Сеня не врал. Он действительно сочинял музыку и тексты к ней. Четыреста восемьдесят восемь композиций. Правда, востребованными из них оказалось только семнадцать, четыре из которых смело можно было назвать хитами. Больших денег на них не заработал, но «респект» и «уважуху» приобрел. Со временем у него появились богатые заказчики, но вдохновение вдруг ухнуло в яму творческой пустоты. Песни он кропал десятками, но ни одна из них не была озвучена. Словом, полный отстой... Но совсем недавно Сеню окрылило, и он создал настоящий шлягер, обреченный, по его мнению, обретаться на верхних строчках российских чартов. Муза пришла к нему в момент наивысшего отчаяния, когда, казалось, мир обрушился в тартарары. Может, потому ее поцелуй был таким горячим и проникновенным...

— Да нет, брат... Я не вру. Правда это... Можешь не сомневаться...

Не жди меня, мама, хорошего сына

Сеня давно уже заметил за собой одну странность. Он не волновался, когда говорил правду, но мог при этом говорить сбивчиво, даже косноязычно. А когда он врал, душа наполнялась смутой, но слова из груди выскакивали бойко, одно за другим, и язык чеканил звуки на редкость внятно, идиомы и метафоры вкручивались в текст без мозговых усилий.

— Ну, может, и не вправляешь. Но это же попса, — заметил Миша.

— Без поповых прошивок твой рэп — труха.

— Ну да, телегу смазывать надо... Может, намурлыкаешь, я послушаю.

— Послушаешь. И запомнишь. А рулада мировая, отвечаю. Абсолютный хит.

— Да ладно, хит... И сколько ты просишь?

— Много. Пятьдесят тысяч евро.

Миша потрясенно посмотрел на очкарика.

— У тебя йаду нету?

— Есть. Пятьдесят тысяч за каплю.

— Стебаетесь?

— Он — да, я — нет, — лаконично сказал Сеня.

— Откуда столько бабосов?

Балабакин пожал плечами. Его дело предложить...

— Не, я такую мазу...

Рэпер не договорил. К решетке подошел прапорщик из дежурной части.

— Балабакин!

И снова Сеню повели на второй этаж, в отдел уголовного розыска. Все тот же кабинет начальника, но в этот раз его занимал другой офицер, такой же внушительно-могучий, как первый, но не в штатском, а в форме; ухоженный, начищенный, наглаженный, с большими звездами на погонах.

— Ну, и чего робеешь, парень? — усмехнулся он, рукой показал на стул за приставным столом.

Взгляд у него добродушный, но въедливо-тяжелый. На какой-то миг Сеня вдруг ощутил себя овощем, который посадили в кадучку, посолили, накрыли крышкой с каменным гнетом.... «Как бы сок не пустить...»

— Подполковник Круча. Начальник ОВД «Битово».

Балабакину и вовсе стало не по себе. Что ж он такое совершил, если сам начальник отдела внутренних дел за него взялся?..

— Рассказывай.

Голос у подполковника густой. Баритон, стремящийся к нижним, басовым нотам; звучание мягкое, укачивающее.

— Что рассказывать? — подавленно спросил Сеня.

— Как женщину сбил, расскажи.

— А-а, это...

— У тебя еще что есть рассказать?

— Да нет, нормально все, никаких эксцессов, все, как говорится, шито-крыто! — стараясь скрыть свой испуг, отбарабанил задержанный.

— Шито-крыто, говоришь... А женщину зачем сбил?

— Торопился очень. Красный свет прозевал.

— Куда торопился?

— К девушке, конечно... Если бы вы знали, какая у меня девушка здесь, в Битове, вы бы меня поняли и простили...

— Я тебя и так простил, но закон не позволяет, — усмехнулся подполковник. — А что за девушка?

— Стелла зовут! Золотые волосы, бриллиантовые глаза, рубиновые губы, одним словом, сокровище. Такая любовь, гражданин начальник, такая любовь...

— Девушка у тебя здесь, говоришь, в Битове. А сам ты откуда?

— Ну, из Битова... Родители у меня здесь. Мать, отец... Но живу я в Москве... То есть жил...

— Чего так?

Не жди меня, мама, хорошего сына

— Финансовые проблемы.

— С кем не бывает.

— Вот и я говорю, что за черной полосой следует белая, — оживился Сеня. — Пройдет печаль, наступит радость, все будет в шоколаде...

— Врешь, — усмехнулся Круча.

— Почему? — забеспокоился парень.

— Слишком гладко стелешь. Да и в тюрьме не может быть белой полосы. Там все в клеточку, без голубой каемочки... Или ты думаешь, что тебе путевку в санаторий за лихость твою гусарскую выпишут?

— Нет, — сник Сеня.

— А что за проблемы, говоришь?

— Да так...

— Финансовые, да?

— Ну да.

— А родители могли денег занять?

— Да нет, они сами без денег сидят. Сестра с мужем работают, но у них снега зимой не допросишься.

— А у кого одолжить можно?

— Ну, есть один человек, одноклассник мой, Петька Воронежский, у него здесь бизнес небольшой, я его в свое время со знаменитостями знакомил, он у меня в долгу...

Сеню снова понесло, он и сам это понял, и Круча заметил.

— Тпрр! — осадил его подполковник. — Что-то ты разошелся. Скажи просто, что к однокласснику ехал, я пойму.

— К однокласснику ехал.

— Торопился очень.

— Торопился, — замороженно повторял Балабакин.

— Не заметил, что красный свет горит.

— Не заметил.

— И женщину тоже не заметил.

— Был грех, гражданин начальник...

— Ясно. Что туману ты нагнал, ясно! — резко сказал Круча.

Он уже не просто смотрел на Сеню, он тянул из него душу, вместе с подпорками, на которых держалась часть подсознания, создающая ложные образы. Балабакину вдруг показалось, что нет в нем больше способности врать...

— Майору Комову ты рассказывал, что спешил к родителям и ехал на желтый свет, — продолжал давить на него подполковник. — Для меня ты сочинил другую сказку — ехал к Стелле да на красный свет. Потом ты поехал к однокласснику... Плести ты умеешь, Балабакин, но не знаешь, к чему привязать свое вранье.

— Ну почему не знаю, — замялся Сеня.

— Знаешь, к чему свое вранье привязать? — усмехнулся Круча.

— Да не вранье...

— Кто сбил гражданку Вихареву?

— Я!

— Еще раз спрашиваю, кто?

— Я.

— Спрашиваю еще раз!

— Не знаю...

— Только не говори, что машина была в угоне...

— Не скажу...

— Тогда кто сбил женщину?

— Не скажу...

— Ну, тогда на этом и закончим. Сейчас отправишься в изолятор временного содержания. Извини, мест свободных нет, есть только в камере с бомжами. Но это не страшно. Страшней, когда ты в следственный изолятор попадешь... Парень ты стильный, как сейчас таких называют, подкажи. Метросексуалы?

— Э-э, да... — сконфуженно кивнул Сеня.

Не жди меня, мама, хорошего сына

Как представитель музыкального бомонда, он тщательно заботился о своей внешности по мере возможности, посещал салоны красоты, следовал моде. Конечно же, он считал себя утонченной натурой...

— Метросексуал и гомосексуал — не совсем одно и то же, — продолжал Круча. — Но, поверь, в тюрьме в такие тонкости не вникают... Или тебе нравится мыло с пола поднимать?

— Не-ет! — в панике затрясся Балабакин.

— А будет, парень. Все будет, если ты за ум не возьмешься... Тебя будут топтать, тебя будут растирать по полу как плевков, ты будешь думать о том, как поскорее покончить с собой, а загробный ад будет казаться тебе раем...

Подполковник говорил на редкость убедительно, ужас в его словах был настолько осязаемым, что Сеня схватился за стул, с силой прижимая его к своему сидищу. Он не хотел поднимать мыло в тюремной бане...

— Я и так потратил на тебя много времени, — с сожалением сказал Круча. — Ценности ты никакой не представляешь, хочешь сгинуть в тюрьме — твое право. Сейчас тебя отправят в изолятор, а послезавтра предъявят обвинение...

Он взял трубку темно-серого телефона без наборника номера, приложил ее к уху.

— Сорокин, Балабакина в предварилровку!

— Не надо! — еще крепче прижимая к себе стул, прорыдал Сеня. — Я все скажу!

— У тебя всего две минуты времени, — с пугающим безразличием сказал подполковник. — Пока за тобой идут.

— Это не я женщину сбил! Не я!

— Если врешь, постарайся сделать это убедительно.

— Я не вру... Не я в машине был... И машина не моя...

— Как не твоя, если на тебя зарегистрирована?

Балабакин не врал, он сильно волновался, поэтому Круче приходилось вытягивать из него слова.

— Де-юре моя, а де-факто у меня ее отобрали. За долги.

— Кто?

— Это долгая история...

— Ну, если долгая, то я пойду. Рад был познакомиться, Балабакин.

— Постойте!

Сеня уже догадался, что никто не сможет помочь ему, кроме подполковника Кручи. Начальнику ОВД не нужны липовые галочки в отчетности раскрытых преступлений, его интересует истина...

— Василий его зовут. Фамилию не знаю. Кличку тоже...

— А что, кличка есть? — заинтригованно спросил подполковник.

— Ну, я думаю, что должна... Это же братва, там у них у всех должны быть клички.

— Где братва, в Битове или в Москве?

— Здесь, в Битове. Казино «Пьедестал».

Дверь приоткрылась, показалось лицо дежурного милиционера, но Круча небрежно махнул ему рукой, отсылая назад. Он основательно устроился в кресле, приготовился слушать всерьез и внимательно.

— И что тебя связывает с этим казино? — спросил он издали, но с прицелом на финал.

— Я композитор, музыку там пишу, для большой эстрады. Сейчас у меня творческий простой, денег нет... Квартиру я в Москве снимал, пришлось сдать. К родителям вернулся... Без копы, на мели. Тоска...

— Дальше что?

— Ну, здесь Стеллу встретил. Я с ней раньше крутил, все такое... В общем, она сказала, что у нас казино

Не жди меня, мама, хорошего сына

крутое открылось, «Пьедестал». Ну я и без нее знал, что там бомба. Слышал, вернее... Битово сейчас в цене, сами знаете...

— В цене, в цене, — кивнул Круча.

— В общем, Стелла сказала, что на днях там один парень денег много поднял. Ну, джекпот, говорит, сорвал...

— И ты клюнул.

— Ну да, повелся. Я же человек азартный, играть люблю. Есть грех такой...

— И много выигрывал?

— Ну, как попрет... Машину вот свою в казино выиграл, пару лет назад.

— Это в прошлом, а что в настоящем?

— А в настоящем Стелла сказала, что машину в залог сдать можно. Она в «Пьедестале» танцевала, она знает...

— Кому отдал машину?

— Ну этому, Василию, он там при казино ломбардом заведует, что-то вроде того... Он мне денег дал, а я доверенность на него составил. Стандартную, без нотариуса... Он сказал, что такая доверенность липа, но ему все равно. Сказал, что горько пожалею, если машину обратно забрать захочу. Как будто знал, что я проиграю...

— И что?

— Проигрался. В пух и прах. Еще и денег занял...

— У кого?

— У Стеллы... Знал же, что Стелла с этим Васей вась-вась, а нет, дернул черт... Короче, я у нее двадцать тысяч рублевых взял. И все спустил к чертям. И машину потерял, и еще двадцать тысяч остался должен... Если б только двадцать. Она Васю позвала, а тот мне сто тысяч отвалил, тоже в рублевых... И это все ушло... А через два дня Стелла ко мне подъехала, сказала, что

Вася меня к себе зовет. Мы поехали. Он мне сразу в лоб — деньги где?.. А где деньги? Нет денег... В общем, сказал, что за каждый день просрочки десять тысяч. Я понял, что попал... А потом у него вдруг вариант появился. И машину, говорит, обратно получу, и долг мне простит... Сказал, что человека на этой машине сбили. Сказал, что менты не видели, кто за рулем был...

— Давай быстрее, не тяни резину.

— В общем, говорит, бери вину на себя. Женщина в травме, жить будет. Сказал, что судимости у меня нет, поэтому дадут условный срок. Нервы потреплют, но ничего страшного...

— И ты поверил?

— Ну да.

— Значит, не ты женщину сбил.

— Говорю же, нет.

— А кто?

— Так это, Василий, из «Пьедестала».

— Он тебе говорил, что женщину сбил именно он?

— Нет. Но я так понял, что он...

— Ты видел, как он женщину сбивал?

— Нет... Но машину же он мне вернул...

— М-да, нагородил ты огород... Ладно, давай с самого начала. Но не со мной...

Появившийся сержант доставил задержанного в соседний кабинет, где им вплотную занялся следователь уголовного розыска.

ГЛАВА 2

Совещание закончилось, в кабинете осталась только должностная верхушка. Подполковник Круча возглавлял отдел внутренних дел. Вторым по важности был майор Комов, начальник криминальной милиции, куда входил и уголовный розыск, и отдел по борьбе с

Не жди меня, мама, хорошего сына

экономическими преступлениями, и группа по борьбе с незаконным оборотом наркотиков. Первым занимался майор Кулик, вторым — майор Лозовой, третьей — майор Савельев. У каждого свои подчиненные, но по-прежнему впятером они составляли одну команду под неизменным предводительством подполковника Кручи.

— Как здоровье тещи? — спросил Степан, обращаясь к Федоту.

— Спасибо, ничего... Отпуск через неделю, похоже, коту под хвост. В Крым собирался, здесь придется сидеть...

— За это не переживай. Езжай в Крым, мы твоей Алевтине Михайловне скучать не позволим.

— И умереть не дадим, — добавил Саня Кулик.

— Нет, нет, ни в коем случае, — кивнул Рома Лозовой. И, выдержав паузу, сказал: — Пока не узнаем...

— Что не узнаем? — не понял Федот.

— Видите ли, товарищ майор, народная мудрость гласит, что любая теща приносит радость своему зятю. Но не каждая успевает сделать это при жизни. Вот и хотелось бы узнать, твоя Алевтина Михайловна уже успела принести тебе радость при жизни? Если нет, то...

— Кончай травить! — Призывая к тишине, Степан Круча выставил на обозрение широкую ладонь. — Теща тещей, а дело делом... Что у нас там с Балабакиным?

— А что, в изоляторе сидит, — ответил Кулик. — Сегодня обвинение предъявим, потом в суд, пусть там решают, что с ним делать — в СИЗО или под подписку... Балабакин утверждает, что не он сбил Алевтину Михайловну, на какого-то Васю грешит. Но кто ему поверит?

— Неубедительно грешит, — кивнул Комов.

— Убедительно или нет, а казино «Пьедестал» существует, — сказал Круча. — И там обретается этот какой-то Вася, держатель полуподпольного, как я понимаю,

ломбарда... Я не видел этого Василия, я не знаю, кто он такой. И кто держит «Пьедестал», я тоже не знаю. И это мне очень не нравится. Что скажешь, Рома, ты у нас главный по экономическим тарелочкам...

— Так не стрелял я по этой тарелочке, — пожал плечами Лозовой. — И казино видел издалека... Не было пока никаких сигналов...

— Пока не было. Пока... А казино уже считается лучшим в городе. И мы не знаем, кто его держит... А Балабакин считает, что Василий из «Пьедестала» представляет братву...

— Чью? — спросил Савельев.

— Это ты у меня спрашиваешь?..

— Ну, я-то не знаю. Претензий у меня к «Пьедесталу» нет, сигналов по наркотикам пока не поступало.

— Снова пока?

— Казино большое, там ночной клуб, говорят, высший класс, танцпол какой-то необычный, людей море. А там, где танцующее море, там, как правило, наркота гуляет... Но пока никаких сигналов. Может, нет ничего, может, шифруются крепко...

— Может, может, а может, и не может, — передразнил подчиненного Степан. — Не знаю, как вам, но мне «Пьедестал» не нравится. Что-то подсказывает мне, что там тихий омут. И, судя по всему, один черт уже показал свой хвост...

* * *

Ремонтно-строительные работы шли осенью, зимой, захватили весну, в конце апреля казино «Реверс» готово было к новому сезону. Осталось довести до ума зал стриптиз-клуба. Сафрон торопил рабочих, но только сегодня он смог принять зал.

Зал сдали на три месяца позже договоренного, но

Не жди меня, мама, хорошего сына

Сафрона это уже не огорчало. Лошадка стоила поставленных на нее денег. Вряд ли сцену для стриптиза можно было назвать ноу-хау, что-то такое он видел в дорогах заграничных клубах, но, как бы то ни было, идея ему нравилась. Это были площадки для пол-дэнса: три поменьше составляли правильный треугольник, в центре которого находился четвертый, побольше. Изюминка заключалась в том, что все постаменты по форме своей и цвету копировали в масштабе опорные диски проигрывателей с наложенными на них виниловыми пластинками. Центральный постамент вращался только вокруг своей оси, остальные еще по орбитальному кругу... А сейчас вокруг шестов крутились еще и сексидевочки гоу-гоу. Они танцевали в одеждах — красиво и никакого разврата...

— Нравится?

Сафрону было перед кем похвастаться своим технологическим достижением.

— Мега!

Сидящая рядом с ним девушка смотрела на танцовщицу, восхищенно улыбалась, но думала о своем. Ее мало интересовало, что происходит в этом зале, ее тянуло в другую, где была эстрадная сцена. Агния была начинающей певицей, и очень одаренной. Правда, весь ее талант заключался во внешности: лицо, глаза, волосы, фигура, ноги — все гениально, вот только голос подкачал. Но хоть и не было в нем вокальной силы, зато его нежное звучание приятно щекотало слух и плоть...

Девушка попала к нему как переходящий вымпел — из рук в руки. Один потенциальный меценат передал ее другому, тот — третьему... Сафрон не знал точно, четвертым он был в этом списке или пятым, а может, и шестым, но ничуть не сомневался в том, что с потенцией у него все в полном порядке. И с деньгами, кстати сказать, тоже. В отличие от других ее благодетелей он

собирался не только попользоваться Агнией, но и открыть ей путь на сцену. Но пока что все еще был потенциальным спонсором...

— Представляю, какие здесь будут крутиться деньги, — обзревая зал, сказала она.

Похоже, вращаясь в обществе богатых, но скупых мужчин, девушка набралась ума и опыта. Она изображала милую дуручку, но повадками напоминала нежную хищницу. И разговор о деньгах она завела не зря. Это был явный намек на фабулу их взаимоотношений — сначала сцена, и только потом постель.

— Здесь будут крутиться стриптизерши, — сказал он. — И приносить мне деньги. А ты будешь крутиться на главной сцене и тоже зарабатывать — и для меня, и для себя...

— На главной сцене?

— Да, но пока что в масштабах «Реверса». Но это не мало. Ты же знаешь, что здесь выступают большие звезды...

Казино, совмещенное с ночным клубом, пользовалось спросом у солидной публики, Сафрон мог позволить себе устраивать шоу с участием настоящих звезд российской эстрады.

— Через неделю у нас будет петь Максим, — неторопливо, растягивая паузы между словами, проговорил он. — И если ты будешь хорошей девочкой, то выйдешь на сцену после него...

— Это правда? — зажглась Агния.

— А ты будешь хорошей девочкой?

Думала она недолго.

— Буду.

— Тогда как насчет того, чтобы осмотреть мой кабинет?

Девушка задумалась. Ноги раздвинуть нетрудно, но на этом карьера может закончиться, так и не начав-

Не жди меня, мама, хорошего сына

шись. Сколько раз так уже было. Но в то же время он мог поставить на ней крест прямо сейчас, обидевшись на ее несговорчивость....

— Ну так что?

— Сначала в гримерку, — нерешительно сказала она.

— В гримерку?

— Да, перед выходом на сцену...

Чем больше Сафрон наблюдал за ней, тем крепче становилась уверенность в том, что сломать ее будет трудно. Нажим-другой, и она вместе с ним отправится сначала в кабинет, а потом и в комнату отдыха, прилегающую к ней...

Но ему помешал человек, широким решительным шагом направляющийся к нему. С ним еще двое, и все такие же убежденные в своей силе. Это были подполковник Круча и два его соратника, Комов и Кулик. Эти люди обладали потрясающей способностью разрушать преграды на своем пути. Им нужен был Сафрон, и они пришли в «Реверс», и никто из охранников на входе не посмел их остановить.

— Степан Степаныч!

Чтобы засвидетельствовать свое к ним почтение, Сафрон лишь слегка приподнялся со своего места. Но и этого было достаточно, чтобы Агния поняла, насколько важный гость к нему пожаловал.

— Я пойду, — сказала она.

И растворилась в мерцающем полумраке зала, свободного от посторонних людей, но наполненного бодрыми ритмами клубной музыки.

— Балдеешь, Леша? — без приглашения опускаясь в свободное кресло, спросил Круча.

— Есть немного.

— Девочками балуешься?

— Да это гоу-гоу...

— Я не про этих... Как твоя Елена Павловна поживает?

Вопрос с намеком на ушедшую Агнию. Пикантность ситуации заключалась в том, что Степан Круча лично и достаточно хорошо знал его жену. Но можно не сомневаться, Ленусику он ничего не скажет...

— Все в порядке с ней. Цветет и пахнет, — натужно улыбнулся Сафрон.

— Передавай ей привет...

— Давно не виделись, Степан Степаныч.

— Намек понял, Алексей Викторович, — свысока усмехнулся Круча. — Да, дело у меня к тебе... Меня интересует «Пьедестал»...

— «Пьедестал»?! — скривился Сафрон. — А что конкретно?

— Насколько я понимаю, этим клубом заправляют твои конкуренты?

— Я бы сказал проще, этот клуб для меня — кость в горле.

— И крепко эта кость в горле застряла?

— Ну, не то чтобы застряла. Но «Пьедестал» половину моих клиентов к себе перетянул. Думаешь, я просто так здесь капремонт затеял?

— И что, помогло?

— Если честно, не очень... Но я не жалуясь.

— Не жалуешься, — усмехнулся Степан. — А в глазах тоска...

— «Пьедестал» на тяп-ляп ставили, а что вышло?

— Что?

— Крепко клубок встал... Я свое хозяйство годами создавал, а эти появились, раз-два, и все готово. За год все сделали — и дом снесли, и ангар свой поставили...

— Ангар?

— Ну, в смысле каркасная конструкция, легкие материалы... Но все по уму, спорить не стану...

Не жди меня, мама, хорошего сына

— И кто поставил?

— Да залетные... А ты что, Степаныч, не в курсе?

— Тихо ведут себя твои залетные, не примелькались.

— Ну да, не быкуют, это да. И со мной в мире жить хотят...

— А ты?

— Честно сказать? Я бы их опустил, как евро — доллар. Но там такая ситуация, что туда лучше не соваться...

— Братва?

— Ну что с того, что братва? Плевать я хотел... Дело в другом, у них там крупный авторитет рулит...

— Насколько крупный? — спросил Круча.

— Настолько, что его сибирские воры поддерживают.

— Сибирские?

— Да. Он откуда-то из Якутии, там у них своя мафия, свои размазы. И завязки с нашими московскими ворами. Настолько серьезные, что ему зеленый свет дали. Меня подвинули, а ему дали... Биток у него кликуха. Зовут Матвей... Ничего так мужичок, моего возраста где-то. И в душе кремень есть, да...

— И кто ж ему зеленый свет дал?

— Ну, наши воры, очень серьезные люди. Такие серьезные, что лучше не возникать... Короче, у меня с ними договоренность. С Битком я могу бодаться только в честной конкурентной борьбе... Как знал, что борьба серьезной будет, вовремя свой «Реверс» подлатал, а то бы все клиенты в «Пьедестал» ушли...

— Но ведь не все ушли. А Биток, наверное, хотел бы всех к себе переманить?

— Пусть обломается.

— Ты ему тоже поперек горла стоишь?

— Ну, в общем, да.

— Между вами должно быть напряжение.

— Не без этого.

— Сколько вольт?

— Много. Если честно, много. Молний пока нет и...
И не должно быть. Я этого не хочу. Он, по ходу, тоже...

— А если все же проскочит молния?

— Не знаю... Что-нибудь придумаю. Не впервой выкручиваться...

— Вид у тебя не очень, — заметил Степан. — Грусть-тоска заела. Видать, серьезный у тебя противник...

— Серьезный, — признался Сафрон. — Они сюда зачем приехали?..

— Зачем?

— Я тебе скажу, а потом предьявы начнутся.

— А ты так, намекни.

— Что в Якутии ценное?

— Абрамович?

— Хорош прикалываться. Алмазы в Якутии... Все, больше ничего не скажу...

— А больше ничего и не надо, братец. Дальше мы сами...

— Сами. И без меня. Не было у нас разговора...

— Не было, не было, — успокоил Сафрона Степан.

Поднявшись с кресла, подошел к нему, запанибратски похлопал по плечу.

— Если что, обращайся.

— Ты тоже, Степаныч. Чем могу, тем помогу...

Планка настроения опустилась до отметки «легкая паника». Сафрон и раньше предполагал, что казино «Пьедестал» представляет собой мину замедленного действия. Степан Круча своим любопытством растревожил душу, нервные узлы кололо предчувствие скорой беды. Уж не привел ли кто-то в действие взрывной механизм...

Не жди меня, мама, хорошего сына

* * *

У Матвея Биткова был свой кабинет с компьютером и монитором на полстены, приемная с шикарной секретаршей, но бывал он там не часто. С персонами высокого ранга он встречался в конференц-зале, с просителями и прочим плебсом — где придется.

Сегодня он принимал доморощенного массовика-затейника в тренажерном зале. Дошлый кучерявый паренек Лева Головастик вел свое небольшое юмористическое шоу на сцене концертно-ресторанного зала — морочил голову людям тупыми остротами. Гнилыми помидорами его пока не закидывали, но и большой ценности он не представлял. Так себе...

Матвей принял его в паузе между переходом от одного снаряда к другому. Форма одежды — голый торс; разгоряченные, взбитые тяжестью мышцы прут наружу, подминая под себя подкожный жирок; соленый пот скапывает со щек, растекается по татуированным звездам на плечах, ручьями струится по крыльям фиолетового дракона на спине. Лева смотрит на него боязливо, мнется. Матвей на голову выше, чем он, охват плеч раза в два больше, сила в руках такая, что хоть сейчас на медведя... А он ходил на медведя, в тайге, с рогатиной, один на один. И не так уж давно это было...

Приятная усталость приподнимала настроение, Матвей даже улыбнулся, глянув на парня.

— Ну чего тебе, жук навозный?

— Матвей Кириллович, два вопроса! — затараторил тот. — Первое, пора выходить на новый уровень!

— Кому пора?

— Мне!

— А я думал, ты об интересах страны печешься, придурок, — добродушно усмехнулся Матвей. — Что за уровень?